

ЗАМЕТКИ

Д. Д. КУЛИНИЧ

Тайна русских мастеров XII в.

(О слове *харалугъ*)

Слово *харалугъ* (*харалужный*), употребленное автором «Слова о полку Игореве», пока еще не имеет общепринятого истолкования. Н. А. Баскаков, подведший итоги изучения этого термина,¹ сообщает о девяти толкованиях, из которых, на наш взгляд, наиболее приемлемо суждение П. М. Мелиоранского, согласно которому «нет ничего невозможного в том, что харалугом . . . называли какой-нибудь сорт „вороненой“ стали, а потом, может быть, и стали, булата вообще».²

Н. А. Баскаков кроме указанной гипотезы П. М. Мелиоранского допускает также образования со значениями 'гибельный', 'изогнутый', 'подвергнутый специальной обработке обжигом, закалкой'. Менее убедительными являются, на наш взгляд, мнения ученых, видящих в рассматриваемом термине указание на франкское (каролингское) происхождение мечей, либо возводящих его к польскому *char|żes* — 'воровать'.³

Между тем значение слова раскроется сразу, если мы предположим, что оно состоит из двух слов: тюркско-монгольского «кара» («хара») — 'черный' и славянского «луда» — 'плащ', 'накидка', 'покрытие'. Слово «луда» известно нам по «Повести временных лет», где упоминается воин-варяг Якун («и луда бѣ у него золотомъ истькана», «ту отбѣже луды златоѣ»;⁴ ср. также: «. . . и видѣ обиходяща оѣса, въ образѣ ляха в лудѣ, и носяща в приполѣ цвѣтки»⁵).

Слово «луда», по М. Фасмеру, восходит к древнескандинавскому корню *lobi* — 'грубая верхняя одежда',⁶ но на наш взгляд, это слово имеет еще более древнее общеславянское или даже общиндоевропейское происхождение. Таким словом является «луд» (м. р.), «луда» (ж. р.) — 'слабоумный', 'глупый', отсюда «лудити» — 'обманывать', 'вводить в заблуждение',⁷ отсюда же «луда» — 'накидка' (согласно летописи отнюдь не грубая) и «лудити» — 'покрывать один металл другим, обманывать взор'. Некоторые исследователи считают, что слово «лужение» пришло в русский язык из средненижнемецкого, восходя к слову *loden* — «паять», значительно позже (1589) возникновения «Слова о полку Игореве». Но на наш взгляд, сам средненижнемецкий термин имеет своим источником и славянскую и древнескандинавскую терминологию. Это естественно при широчайших торговых, военных и династических связях

¹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 163—167.

² Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 2. С. 295.

³ Баскаков Н. А. Тюркская лексика. С. 164.

⁴ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 100.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 529.

⁷ Там же. С. 528.

Киевской Руси и «варяжских» стран — предположительно от Винланда (Северной Америки) до Китая, от Мурман и островов Ледовитого океана до жарких пустынь Нубии. Следует учитывать также высокий уровень развития ремесел в домонгольской Руси. Слово «луд» («луда») с его производными кроме славянских и скандинавских языков может быть соотнесено с готским *liuta* — «лицемер», староанглийским *lot* — «ложь», латинским *ludbrium* — «насмешка» и т. п. Во всяком случае, правомерна цепочка: луд (луда)—лудити—лужение—луженый.

Итак, в нашем случае *харалужный* значит *чернолуженый*, или, по современной технической терминологии, «вороненый», «оксидированный», т. е. покрытый тонким (1—10 мкм) слоем окисла, что предохраняет изделие от ржавления, а оттенками цветов от черного до синего и коричневого придает ему эстетически красивый вид. Создание окисла на поверхности изделия производится путем помещения предмета в ванны с соответствующими растворами и порошками и выдерживания его там при высоких температурах. Окисел на поверхности изделия можно создать также выдерживанием нагретого предмета в среде перегретого водяного пара или в парах аммиака. Обыкновенно растворы, порошки и пары ядовиты и вредны, т. е. обрабатываемые предметы «в жестоком *харалужѣ* скованы». Можно отметить, что ни одна из предшествующих нашей гипотез не объясняет столь четко этого места в «Слове».

Другой способ создания цвета на поверхности стального изделия — закалка предмета в воде, или в масле, или в иных растворах («в моче рыжей девушки», — говорится в одном средневековом техническом руководе) и отпуск его до требуемого «цвета побежалости» — от золотистого до серого. Однако такое покрытие нестойко и быстро пропадает, металл же получает требуемые прочность и гибкость. Для нас заманчиво возвести термин *лужный* к слову «луг», дошедшему до нашего времени в ряде славянских языков (украинском, польском, чешском) и происходящему от древне немецкого *louge* — «щелочь». В свою очередь этот термин возник под влиянием латинского *lavō* и древнегреческого *λοῖω* — «мыть».⁸ С технологической стороны это означало, что закалка изделия могла производиться в растворе «черной щелочи», говоря современным языком, в какой-то технической щелочи. Но автор «Слова о полку Игореве» хорошо знаком с производством оружия: он отличает процессковки («в *харалужѣ*», возможно, даже в аммиачных парах) от закалки («в буети»). Последнее не только метафора. Дело в том, что меч нагревался в горне, а затем всадник выхватывал его из огня и мчался с ним навстречу ветру, фехтуя мечом и тем самым закаляя его в струе холодного воздуха.⁹ Нет сомнения, что кузнецы XII в. знали и жидкостную закалку: так, в «Калевале» говорится, что кузнец Ильмаринен «чуть-чуть щелоку прибавил в жидкость для закалки стали». Но в «Слове о полку Игореве» автор понимает термин *харалужный* не как указывающий на закалку в какой-то среде, а как процесс, связанный с ковкой «в *харалужѣ*», и не просто «в *харалужѣ*», а в «жестоком», т. е. в веществе, способном сделать в металле «черное покрытие», воронение.

С легкой руки первых переводчиков, *харалужный* часто переводят как «булатный». Тайна булата была утрачена, но затем вновь открыта известным русским металлургом П. П. Аносовым (в 1836 г.). Но для создания булатного меча необходимо не только изменение его поверхности, но и внутренней макроструктуры. Термин *харалужный* не может быть синонимом термина «булатный» еще и потому, что в «Слове» это определение приложено и к мечам, и к копьям, и к цепам. Хотя Аль-Бируни описывает один из способов изготовления русскими мечей, сход-

⁸ Там же. С. 527.

⁹ Ср. аналогичные сведения: Джафаров Г. Заметки по этимологии слова «харалуг» // Изв. ОЛЯ АН Аз.ССР. 1966. № 1. С. 87.

ный с приготовлением фара́нда (узорчатого булата), известно, что булат применялся лишь для мечей и сабель, но никак не наконечников копий или цепов. Сам термин «булат» появился в русском языке только с начала XV в.¹⁰ В пользу того, что термин *харалужный* местного, скорее всего, киевского происхождения, говорит его ограниченное употребление: в «Слове» и под влиянием последнего — в «Задонщине». Заметим, что объяснение слов «въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена» вытекает лишь из нашей гипотезы, ибо нельзя сказать «в жесток-ком булате скованы».

Наличие технического термина *харалужный* в русском языке XII в. говорит о высокой культуре обработки металла в Киевской Руси, о существовании в ней своих умельцев. После татаро-монгольского нашествия термин был забыт и предстал перед нами загадочным чтением в великой поэме.

¹⁰ Он встречается, например, в списках «Задонщины». См.: Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 21.